

Лу Цинцзю просидел перед могилой очень долго. Он говорил с бабушкой о многом: рассказал ей об Инь Сюне, ставшем горным богом, и о своём жильце, который только что нечаянно потерял свои хвосты – о Бай Юэху. Раньше, всякий раз, когда он видел могилу бабушки, его сердце наполнялось печалью, сожалением и раскаянием. Его мучила совесть: он не успел вернуться сюда, прежде чем бабушка покинула этот мир, оставив её умирать в полном одиночестве.

Теперь, после возвращения в деревню Шуйфу, когда он оставался рядом с ней по-иному, печаль и боль в сердце Лу Цинцзю заметно поутихли. Убрал снег, собравшийся на вершине надгробия, и аккуратно расставив подношения перед могилой, Лу Цинцзю улыбнулся, попрощался с бабушкой, поднялся и ушёл.

После его возвращения домой Бай Юэху и Инь Сюнь не осмеливались его тревожить. Их настороженность немного позабавила Лу Цинцзю. Он был уже взрослым человеком, и даже если настроение портилось, он не срывался на других.

«Что вы хотите съесть сегодня вечером?» – спросил Лу Цинцзю, задавая свой обычный, привычный вопрос.

Инь Сюнь поднял руку: «Хочу хого, очень-очень острый».

«Любое подойдёт», – отозвался Бай Юэху.

Лу Цинцзю: «Тогда сделаем хого. Скоро весна, так что соберём все оставшиеся продукты и прикончим их, чтобы не пропало зря».

Лу Цинцзю приготовил на курином бульоне густой соевый чили-соус и чили-масло – основа вышла пряной, острой, ярко-красной, с сухими перцами чили и сычуаньским перцем, плавающими на поверхности.

Часть продуктов для хого составляли разные виды свежего мяса, принесённого Бай Юэху, или мясо, что хранилось в морозилке. Овощей было не так много – только сушёные овощи и древесные грибы, которые можно сушить и долго хранить, а после замачивания они становились вкусными.

Любимая широкая стеклянная лапша Лу Цинцзю и сушёный тофу тоже не остались забыты. По сравнению с Инь Сюнем и Бай Юэху, он, пожалуй, слыл травоядным.

Принеся хого в гостиную и поставив его на угольную печь, Лу Цинцзю позвал всех к столу.

Хого зимой – лучшее времяпрепровождение. Несколько друзей собираются вместе, беседуют за едой, не тревожась, что она остынет. Напротив – чем больше ешь, тем теплее становится. Лу

Цинцзю откусил большой кусок своей фирменной широкой стеклянной лапши. Прожевав, он проглотил её и поднял руку, чтобы вытереть пот с кончика носа. Широкая стеклянная лапша делается из сладкого картофеля; сырая – твёрдая, но после варки становится мягкой и упругой, невероятно аппетитной. Это был ингредиент, который Лу Цинцзю очень любил. Свежее мясо, принесённое Бай Юэху, тоже оказалось превосходным. Нарезанное тонкими кусочками, опущенное в красный суп и вынутое всего через десять-пятнадцать секунд варки, оно сохраняло и восхитительную остроту, и первоначальный вкус.

Дом наполнился ароматом пряностей. Через некоторое время Лу Цинцзю наконец снял пуховик. Кончик его подбородка блестел от пота.

«Так остро, – сглотив, произнёс Инь Сюнь. – Послезавтра выпадет последний снег. Когда он прекратится, температура начнёт подниматься».

Наконец-то наступала весна.

«Я съел почти все конфеты, – проглотив мясо, сказал Лу Цинцзю. – Можно начинать думать, что посадить весной».

«Мне всё равно, – ответил Инь Сюнь. – Я не привередлив».

Лу Цинцзю кивнул: «Когда придёт время, сходим в город, посмотрим. В прошлом году снега было много, так что урожай в этом году, безусловно, будет хорошим».

Не зря говорят: «Благоприятный снег – к доброму урожаю». Снег убивает большинство вредителей в почве, и потому всхожесть урожая на будущий год выше. Им, конечно, не стоило об этом беспокоиться: в конце концов, у них был Бай Юэху – маленький эксперт по сельскому хозяйству, и Лу Цинцзю оставалось лишь выбрать, что посадить.

С повышением температуры снег начал понемногу таять. С деревьев, растущих выше крыши дома, срывались куски снега. Ночью, когда они спали, можно было слышать звуки тающего и падающего снега.

Инь Сюнь сбил все сосульки, висевшие под карнизами, чтобы они, упав, никого не ранили. Видимо, такой случай уже был: однажды, когда снег почти растаял, девушка шла под карнизом, и сверху упавшая сосулька вонзилась ей в череп – так она и погибла.

Самая суровая пора закончилась. Лу Цинцзю был слегка рад: наконец-то ему не нужно было каждый день одеваться как медведь, и можно было носить одежду потоньше.

В конце января Су Янь вернул Су Си вместе с несчастной Наложницей Повелителя Дождя. Она была переодета в особенно милое пышное платье и сидела в шерсти Су Си с мрачным

выражением лица. Простая и грубая одежда, которую Лу Цинцзю сшил для Су Си, сменилась изысканной курточкой на мягкой подкладке. Было видно, что сшивший эту одежду человек был настоящим мастером своего дела. Жаль только, что из-за особенностей шерсти Су Си в этой маленькой куртке, как ни посмотри, всё равно выглядел пуделем...

«Это одежда, которую моя жена сшила для них». – Су Янь вручил Лу Цинцзю огромную сумку.

Когда Лу Цинцзю увидел одежду в сумке, он удивился. Сначала он думал, что это будут повседневные вещи для Су Си, но, заглянув внутрь, понял, что ошибся. Сумка была полна маленьких одежд, и, судя по размеру, они явно предназначались не для маленького лиса, а для Наложницы Повелителя Дождя.

Су Янь сухо кашлянул, словно немного смущаясь, и объяснил: «Мать Су Си очень полюбила эту маленькую девочку».

Лу Цинцзю: «...А?»

Су Янь продолжал: «Это потому, что маленькие лисьи духи всегда находятся в лисьей форме. А когда вырастают, принимают человеческий облик – и навсегда остаётся взрослым человеком. Так что нам не дано увидеть своих детей в человеческой форме».

Уж не говоря о такой милой крохе размером с большой палец. Пусть личность этой маленькой девочки внушала некоторый страх, материнский инстинкт его жены не могли остановить никакие преграды.

Лу Цинцзю, казалось, понял, почему у Наложницы Повелителя Дождя было такое несчастное выражение лица. Не зная, смеяться ему или плакать, он ответил: «Хорошо, я понял».

«Моя жена даже построила ей деревянный домик. Она сказала, что вы можете поставить его рядом с кроватью Су Си, – добавил Су Янь. – Прошу прощения за беспокойство».

«Ничего страшного, ничего страшного», – прошептал Лу Цинцзю, разглядывая крошечный деревянный домик, о котором упомянул Су Янь. Это был двухэтажный сруб удивительно изящной работы: внутри уже стояли кровать, туалетный столик и всякая мелочь. Похоже, мать Су Си всерьёз решила превратить Наложницу Повелителя Дождя в милую куклу Барби...

Су Янь ушёл, оставив вещи на полу. Наложница Повелителя Дождя исчезла в складках меха на шее Су Си. Лу Цинцзю перенёс всё к кровати Су Си и развесил одежду в маленьком домике. Наблюдая, как лисёнок носится вокруг Сяо Хуа и Сяо Хэй, он вдруг почувствовал себя матерью. К счастью, появление Инь Сюня развеяло это ощущение – напомнило, что он всё-таки отец.

«Дорога в город свободна, – доложил Инь Сюнь, вернувшись с разведки. – Можем снова поехать

на пикапе, съесть сяолунбао».

Лу Цинцзю удивился: «Так быстро?»

«В этом году тепло приходит рано», - пояснил Инь Сюнь.

«Хорошо. Дай мне время собраться, потом поедem - купим свежих продуктов и заодно съедим сяолунбао. Позови Бай Юэху».

«Ладно». Услышав, что сяолунбао в программе, Инь Сюнь умчался счастливый.

Лу Цинцзю переоделся и пошёл заводить пикап, припаркованный у ворот. Всю зиму они не ездили на нём, и Лу Цинцзю чувствовал себя виноватым. В самые лютые холода пикап и вовсе исчез. Лу Цинцзю спросил у Бай Юэху, и тот ответил, что пикап зарылся в землю, чтобы пережить зиму. Сейчас, едва потеплело, пикап снова стоял у порога.

Лу Цинцзю скормил ему последнюю фруктовую конфету. Пикап радостно загудел, несколько раз мигнув фарами.

Все трое сели в машину и выехали из деревни. На выезде они столкнулись с дядей Чэнем, который тепло поприветствовал Лу Цинцзю.

Зима кончилась, и вся деревня оживала. По обеим сторонам дороги деревни готовились к весенней вспашке. Зима выдалась недолгой и, казалось, никому не принесла тяжёлых испытаний.

Лу Цинцзю вывел пикап на горную дорогу. Снег ещё не растаял, но путь уже был открыт. Машина ехала не быстро, но уверенно - даже если бы Лу Цинцзю не держал руль, пикап справился бы сам. Лу Цинцзю помнил дорогу и заранее сбрасывал скорость на опасных участках.

Через несколько часов они добрались до города. Лу Цинцзю припарковался и повёл своих двоих детишек в закусочную с сяолунбао.

В отличие от деревни Шуйфу, город бурлил жизнью. Хозяин закусочной сразу узнал их - выдающаяся внешность Бай Юэху и его пугающий аппетит оставили неизгладимое впечатление. Увидев Лу Цинцзю, он улыбнулся: «Давно вас не было. Как в прошлый раз - десять корзин?»

«Ага. - Лу Цинцзю сел у входа, глядя на уличную суету. Заметив людей с чем-то похожим на камеры, он спросил: - Что они делают?»

«Снимают какое-то шоу, – ответил хозяин, подавая сяолунбао. – Только что приехали, шумят».

Лу Цинцзю с любопытством наблюдал, но Бай Юэху и Инь Сюнь остались равнодушны – их взгляды были прикованы к дымящимся сяолунбао.

Инь Сюнь ел жадно, набивая рот так, что стал похож на лягушку. Бай Юэху, с его небольшим лицом, поглощал сяолунбао один за другим, и Лу Цинцзю не мог понять, куда они исчезают.

Лу Цинцзю всмотрелся в толпу: «Кажется, они не местные».

Все были одеты модно, не вписываясь в простой городской колорит. Рядом стояли несколько фургонов, люди с камерами снимали молодого человека с серебристо-серыми волосами. Тот стоял спиной к Лу Цинцзю, лица не было видно, но прямая осанка выдавала в нём человека необычного.

Лу Цинцзю понаблюдал ещё немного и отвернулся. Этот человек, похоже, был знаменитостью, но Лу Цинцзю не увлекался шоу и знал только имена, а не лица.

Видя, что Бай Юэху и Инь Сюнь всё ещё голодны, он сказал: «Ешьте дальше, а я схожу куплю семян».

«Я с тобой, – Инь Сюнь, съевший больше двадцати штук, с трудом встал, держась за округлившийся живот. – Я наелся».

«Тогда, Юэху, продолжай есть, – сказал Лу Цинцзю. – Я найду тебя, когда закончу».

Бай Юэху кивнул.

Лу Цинцзю расплатился с хозяином и направился с Инь Сюнем в магазин семян. В этом году он разбогател и решил забрать всю арендованную землю для собственных посевов. Он заранее спросил у Бай Юэху, и тот сказал, что несколько лишних участков ему не помешают – пусть делает, что хочет.

Лу Цинцзю хотел посадить много растений: всё, что выращивал Бай Юэху, было вкуснее городского – прошлогодние помидоры и огурцы тому подтверждение.

Он купил множество семян и саженцев и спросил у продавца, нет ли саженцев фруктовых деревьев. Тот ответил, что пока нет, привезут позже. Лу Цинцзю оставил номер телефона.

Закончив покупки, он вспомнил кое о ком и позвонил Чжу Мяомяо – сообщить, что снег растаял.

«Ты меня напугал, - упрекнула она. - Пропасть на два месяца, ни весточки после Нового года».

«Забыл, - извинился Лу Цинцзю. - В деревне сигнал то есть, то нет. Как раз на Новый год его не было. Не волнуйся, я в порядке».

«Хорошо. Как появится время - заеду проведать».

«Пришли мне ещё тех конфет, - попросил Лу Цинцзю. - Домашние запасы кончились».

Чжу Мяомяо усмехнулась: «Так ты мне только ради конфет и звонишь? Они такие вкусные?»

«Очень», - честно ответил Лу Цинцзю. Конфеты нравились всем, даже пикапу.

Чжу Мяомяо сказала «ладно» и повесила трубку.

Лу Цинцзю с Инь Сюнем вернулись в закусочную с полными сумками. Забрав Бай Юэху, они собрались домой. У выхода Лу Цинцзю заметил, что между съёмочной группой и городской полицией вспыхнула ссора. Среди них стоял Ху Шу - хмурый, он о чём-то спорил. Пан Цзыци несколько раз порывался вмешаться, но Ху Шу его удерживал.

«Что там?» - не понял Лу Цинцзю.

«Не знаю», - пожал плечами Инь Сюнь.

Не разобравшись, они решили не вмешиваться. Лу Цинцзю считал, что раз его это не касается, лучше остаться в стороне. Нагруженные семенами, все трое вернулись к пикапу и поехали домой.

Весна наступила, и, хотя дел было невпроворот, Лу Цинцзю был в отличном настроении. Не нужно было больше сидеть у печи, борясь с холодом. Сняв тяжёлую зимнюю одежду, он двигался намного быстрее.

Пользуясь хорошей погодой, он привёл в порядок весь дом, включая колодец во внутреннем дворе. Счистил мох и грязь, заменил старые подношения и палочки благовоний на новые.

С концом зимы восстановили электричество и интернет. Магазин на Таобао снова открылся. Лу Цинцзю морально готовился, но, открыв приложение, всё равно был ошеломлён потоком сообщений. Не решаясь читать их, он просто отредактировал описание: магазин откроется в середине третьего месяца, и в этот раз, наверстывая упущенное, он выставит триста бутылок.

Закончив с магазином, Лу Цинцзю выключил компьютер. Дел было слишком много, чтобы

отдыхать.

Надо было вычистить двор, починить курятник, который рухнул под тяжестью снега, вытащить все постели на солнце для просушки. Короче, весна – самая хлопотная пора.

Вся деревня ожила: зимняя тишина сменилась шумом и суетой.

Лу Цинцзю как раз размышлял, как починить курятник, когда снаружи донесся гул голосов. Казалось, там собралась целая толпа. Как раз вернулся Инь Сюнь, и Лу Цинцзю спросил его, в чем дело.

Инь Сюнь ответил: «Помнишь тех людей, что мы видели у лавки с сяолунбао? Они приехали в нашу деревню».

«А? – Лу Цинцзю опешил. – Зачем?»

«Понятия не имею, – Инь Сюнь тоже пожал плечами. – Их много, человек двадцать-тридцать, и все с камерами...»

Лу Цинцзю подошел к двери взглянуть. Группа людей собралась у старого дома неподалеку. Те, кто там жил, давно покинули Шуйфу, и дом пустовал очень долго. Судя по всему, эти люди собирались там поселиться.

Другие деревенские тоже наблюдали издали: кто с опаской, кто с любопытством. Связь деревни Шуйфу с внешним миром была слаба, и прошло уже много времени с тех пор, как сюда наведывалось столько чужаков.

Лу Цинцзю некоторое время следил за ними. Вдруг ему показалось, что одно лицо смутно знакомо, но он не мог вспомнить откуда. Он сфотографировал его на телефон и отправил Чжу Мяомяю через Вичат, спросив, знает ли она их. Чжу Мяомяю была помешана на знаменитостях и много знала о шоу-бизнесе.

Вскоре она ответила: человек на фото – знаменитость, и спросила, где он сделал снимок.

«В деревне, – ответил Лу Цинцзю. – Они приехали в Шуйфу. Шумят невероятно».

Чжу Мяомяю воскликнула в изумлении: «Он поехал в Шуйфу?! Я слышала, он берется за крупное шоу... Неужели он правда снимает его здесь?»

«Похоже на то, – сказал Лу Цинцзю. – Я видел съемочную группу».

Услышав это, Чжу Мяомяо потерла ладони: «Отлично, я найду время приехать, тоже хочу посмотреть, ха-ха-ха».

Такие шоу всегда снимали в глухих местах, и локацию держали в тайне, иначе толпы фанатов сорвали бы съемки.

Лу Цинцзю знаменитости не интересовали вовсе. Он просто подумал, что эти люди слишком шумные и совсем не вписываются в тишину Шуйфу. Посмотрев еще немного, он вернулся к своим делам.

Несколько дней спустя Лу Цинцзю услышал сплетни от соседа, дяди Ли. Оказывается, они арендовали тот дом на три месяца специально для съемок. Староста деревни даже просил их уехать, но безуспешно. Съёмочная группа заявила, что заплатила за право остаться и не будет мешать обычной жизни деревенских...

Старосте ничего не оставалось, как позволить им делать что хотят.

Вспомнив, что несколько дней назад он видел, как с этой группой спорил Ху Шу, Лу Цинцзю позвонил ему, желая узнать, о чем был спор.

Ху Шу, взяв трубку, вылил на Лу Цинцзю поток жалоб. Он рассказал, что они с Пан Цзыци советовали этой группе не ехать в Шуйфу, но те и слушать не захотели. Им сказали, что деревня Шуйфу – не место для посторонних, и если туда явится слишком много людей, может случиться беда, но группа проигнорировала их предупреждения и через несколько дней все равно отправилась туда.

«Цинцзю, пожалуйста, присмотри за ними. У меня дурное предчувствие, – сказал Ху Шу. – Чувствую, эти люди навлекут на себя большую беду».

Лу Цинцзю ответил: «Как я услежу за столькими людьми?»

«Эх, и правда. Наверное, остается только позволить им делать что хотят, – вздохнул Ху Шу. – Право слово, „добрые слова не убедят идиота, решившего умереть“...»

Лу Цинцзю спросил: «Почему они так уперлись снимать именно в Шуйфу?»

«Не знаю, кто им сказал, но им нашептали, что в Шуйфу хорошая атмосфера и место уединенное, так что фанаты их вряд ли заметят. Вот они и решили снимать здесь».

«А, вот оно что. Если подумать, в их словах есть доля правды. Но раз уж они приехали, значит, приехали. Шуйфу – безопасное место, здесь нет ничего опасного».

Ху Шу промолчал: раньше – да, но теперь – уже не точно. Он не решился сказать это вслух и только пробормотал что-то невнятное.

Лу Цинцзю не стал забивать этим голову. Поболтав еще немного, он повесил трубку.

Деревня Шуйфу была небольшой – от края до края двадцать минут ходьбы. Весть о том, что в деревне поселилась целая группа, быстро разлетелась, и все жители с любопытством глазели на старый дом.

Лу Цинцзю узнал от Чжу Мяомяо, что они собираются снимать шоу о деревенской жизни. Скорее всего, участникам придется самим добывать еду и готовить, съемочная группа кормить их не будет.

Услышав это, Инь Сюнь подумал, что этим людям явно нечем заняться. Живется им, черт возьми, хорошо, так нет, приперлись в их глушь страдать.

Бай Юэху молчал, но Лу Цинцзю остро чувствовал, что настроение у него неважное. Лис лежал в кресле-качалке с закрытыми глазами, отдыхая.

Инь Сюнь сказал: «И еще, странно, что кто-то сдал свой старый дом...»

Лу Цинцзю спросил: «Кто там раньше жил?»

«Ты что, не помнишь? Семья Лю, – ответил Инь Сюнь. – Однажды они поехали в город развлечься, их ребенок попал в аварию и погиб. После этого они уехали из Шуйфу... Не знаю, куда перебрались».

Лу Цинцзю: «Они когда-нибудь возвращались?»

«Нет, – сказал Инь Сюнь. – Я их больше никогда не видел».

Лу Цинцзю задумался: действительно странно. Если семья Лю уехала, кто же сдал дом съемочной группе? Если они не уезжали, почему Инь Сюнь их больше не встречал? Или они просто перебрались немного дальше от города?

«Ладно, хватит о них. Помой рис, я буду готовить ужин», – сказал Лу Цинцзю.

«Ладно», – Инь Сюнь с радостью отправился мыть рис. Какая разница, что делает эта группа? Главное – будет ли вкусная еда.

Когда Инь Сюнь ушел, Лу Цинцзю хотел спросить Бай Юэху, что тот хочет съесть, но услышал

стук в дверь. Он подошел, открыл и увидел незнакомца. Тот сказал: «Извините, уважаемый, не одолжите немного риса?»

«Одолжить рис?» - переспросил Лу Цинцзю.

«Да, мы хотим готовить, но риса у нас нет».

Заметив за его спиной камеру, Лу Цинцзю понял, что идет съемка. Подумав мгновение, он велел Инь Сюню отсыпать немного риса в пластиковый пакет. Протягивая его, он сказал: «Я бы не советовал вам ходить по дворам с такими просьбами. Здесь к чужакам относятся настороженно, вы больше ничего не получите».

Незнакомец взял пакет с улыбкой поблагодарил, но явно не принял слова Лу Цинцзю всерьез. В конце концов, только что он ведь раздобыл рис.

Лу Цинцзю закрыл дверь и обернулся. Бай Юэху, отдыхавший с закрытыми глазами, открыл их - его взгляд был мрачен. Лу Цинцзю вдруг понял... Все пропало. лис-оборотень относился к своей еде с ревностью, не знающей границ.

Автору есть что сказать:

Бай Юэху: Кто-то ест рис моей семьи, я злюсь.

Лу Цинцзю: Все в порядке, нам нужно откормить их, прежде чем ты их все-таки съешь.

Бай Юэху: Хорошо.

Инь Сюнь: ?????? Лу Цинцзю, что с тобой такое, проснись!

Переводчику есть что сказать:

ессо: Мне больно даже думать о такой остроте! Но всё равно хочется попробовать. Когда в нашем городе можно будет такое съесть?

Эта арка мне уже нравится! Съёмки шоу в Шуйфу! Я в предвкушении.

Готовьтесь, смертные! Вы познаете голод и лисий гнев!

<http://bllate.org/book/15722/1630921>